

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.18101/2305-459X-2019-4-43-48

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ ГЕРМАНА ЯЗЫКОВА

© Данчинова Мария Даниловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
E-mail: marinadan67@mail.ru

В статье рассматривается жанровая природа рассказов Г. Языкова, русского писателя Бурятии, дается анализ образной системе, выявляются характерные черты героев, определяются главные мотивы и идеи произведений. Рассказы, вошедшие в сборники книг «Время и судьбы», «Записки старого опера» и «Страницы памяти», в художественно-публицистическом стиле представляют собой большой пласт социально-культурной, исторической картины жизни всей республики. Повествование в хроникальном плане основано на линейно-ретроспективной сюжетике, содержит размышления писателя об истоках родословной самого автора, рассказывает о судьбах отдельных семей в трагические годы репрессий, военного времени, послевоенного лихолетья, показывает развитие общества в мирное время. В эпицентре бурных событий находится герой Г. Языкова — молодой человек, только становящийся на путь своей самостоятельной жизни.

Ключевые слова: жанр, герой, образ, повествование, сюжет, идея, мотив, писатель.

Для цитирования:

Данчинова М. Д. Художественное своеобразие рассказов Германа Языкова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. Вып. 4. С. 43–48.

Автор рассказов Герман Языков подробно и глубоко анализирует жизнь общества во всех ее возрастных и временных границах, повествует о собственной службе оперативным следователем в Министерстве внутренних дел.

Работа внештатным корреспондентом в редакции «Молодежь Бурятии» до поступления в школу милиции позволила будущему писателю прийти к своему — своеобразному художественно-публицистическому стилю, найти определенную форму речевого обращения к аудитории. Отсюда многие сюжеты, отдельные художественные эпизоды, природа мотивов во всех трех книгах не просто привлекают внимание читателя, а держат в напряжении, заставляют переживать жизненные коллизии героев, размышлять вместе с писателем над многими актуальными вопросами времени.

С позиции Ю. Лотмана, это тот художественный момент, когда читатель и текст вступают в процесс взаимопонимания, как бы «прилаживаясь» друг к другу, и текст воспринимается «как собеседник в диалоге» [1, с. 113]. При этом нельзя

воспринимать рассказы писателя как отдельные, не связанные друг с другом истории. Сборники содержат разные сюжеты, эпизоды. Однако внимательный читатель увидит в каждом из рассказов определенную отсылку на предыдущее повествование, что ведет к кольцевой композиции сборников.

Кроме этого, каждый эпизод, представленный в отдельном рассказе, имеет художественную инерцию проецироваться содержанием на большую жанровую форму. В этом плане рассказ тяготеет к жанру повести и даже к объему романа. И это именно тот момент, который позволяет говорить, с точки зрения литературоведа Т. Марковой, о «незавершенности» и «открытости» жанра рассказа, который «...представляет лишь фрагмент, «кусоч» распавшейся целостности», и где «...автор сливается со своими героями и не столько пишет, сколько «читает» сюжеты человеческих судеб» [2, с. 284].

Например, это относится к рассказам «Казачья сага», «История бабы Шуры», «Дети далекого времени», «Голод не тетка». В приведенных текстах речь идет о семье Шушурихиных. Автор ведет речь о трагическом расколе родовой ветви, на примере которой можно судить о судьбе всего русского народа. Жизнь раскидала братьев и сестру Шушурихиных по Забайкалью и Дальнему Востоку, целые поколения выросли, не зная друг о друге. Писатель рассказывает об этом с большой долей не просто глубокого сожаления, а с затаенной болью.

В изложении таких отдельных исторических рассказов читатель не найдет только одно сухое приведение фактов. Зачастую черта документальности растворяется в художественности повествования. Особенно это наблюдаем в моменты, когда писатель повествует о том, что наболело в душе. Например, в таких строках: «Будя навоевались! — сурово сказал старший, Иннокентий. — Эта война надолго. Спокойствия тут не будет. От Урги до нас несколько суток конного перехода, от Кяхты и того меньше. Пока зима, могут и не насмелиться в поход двинуть, а чуть растеплет — жди гостей. Надо бежать отсюда» [3, с. 16]. В речи старшего из братьев Шушурихиных проступает образ мудрого, много повидавшего, прочувствовавшего, изболевшегося душой сурового человека. В изображении героя писатель не дает какой-то внешней детализации. Характер персонажа проступает из его скупых, но веских слов. В таких эпизодах публицистичность, хроникальность и документализм изложения начинает исчезать под явным художественным изображением образа героя, собственно происходящих событий, самой формы повествования.

Более того, в образе рассказчика проступают черты рефлексирующего героя, что присуще именно художественной литературе. Герой-повествователь уже в зрелом возрасте, сам, переживший в жизни многое, пусть и не такое трагичное, как его близкие, начинает анализировать собственные далекие чувства. Он по-новому осмысливает свое — детское отношение к услышанным в том возрасте историям. Такое желание — узнать большее об истоках родовой, проявление ничем не прикрытого интереса к глубинам истории, какое-то даже любопытство к далеким страницам из жизни родных осмысливается взрослым героем-повествователем как боль души, глубокая печаль по всем недожившим, погибшим, затерявшимся в бескрайних просторах Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока.

Свое состояние души герой воспринимает не иначе как желание — найти истину: вернуть имена без вести пропавшим, связать разорванную нить родственных уз, восстановить утерянные духовные традиции и обычаи. Отсюда не случайны такие строки, как: «Деду нравилось, как я чувствовал, погружаться в воспоминания, а еще, думаю, трогала его душу пытливость внука» [3, с. 25], «В редкие нынешние посещения храма, скажу честно, больше думаю о бренном, о своих ощущениях от пребывания в церкви в то далекое время, которые запомнились мне до мельчайших деталей» [3, с. 24]. Сквозь строки проступают чувства печали, неумной грусти от трагичности жизненной круговерти, возникают многочисленные, не оформленные в слово затаенные вопросы о том, как можно было выжить человеку в то время в нечеловеческих условиях, более того — постараться сохранить чистой, ничем не запятнанной душу. Повествуя об этом, герой-рассказчик выражает не только чувства горечи от трагической судьбы родных людей, но и восхищается духовной стойкостью человека.

Стиль автора поражает умением нанизывать на один сюжет отдельные эпизоды, которые создают панораму эпичности жизни. Так, в книге «Страницы памяти», в главе «Дети далекого времени» Г. Языков в нить повествования о детях войны включает самостоятельные сюжеты о жизни многих людей того периода. История детей военной поры именно таким образом наполняется многособытийностью, что тяготеет по данным чертам к жанру саги. При этом каждая сцена передана не только с документальной, но и художественной достоверностью.

Читатель словно воочию видит грохочущую по булыжной мостовой телегу, распространяющую «аромат свежее испеченного хлеба», а рядом — милиционера с наганом на боку. Хлеб ждет длинная змееобразная очередь. Здесь же и веселая тетя Тоня, получившая письмо от мужа, передающая всем привет от него, которая спустя день будет кричать на весь двор и рвать на себе волосы от страшного трагического известия о гибели мужа. И это ее, молча, под руки уводят со двора такие же женщины — вдовы, уже пережившие острую боль утраты. Каждая сцена не просто словесно передана, но словно наполнена самыми настоящими звуками: криками, возгласами людей, пением, например, в час известия о победе. Взрослый герой из своего далека словно воочию видит себя — мальчиком, когда именно его памятью передает непривычный для людей той поры яркий свет в ночи, бьющий в глаза, от которого за годы войны все отвыкли. Можно сказать, что картина изображенного передается и через ощущения. Это тепло шифера на крыше дома, на котором устроились дети в победную ночь, наблюдая за ликованием народа. Каждая сцена данной главы передает чувства взрослого героя-повествователя, который из нашего времени по-новому сопереживает детям, взрослым того времени за их полную невзгод, скудную на все, трудную, но мужественную жизнь.

Некоторые эпизоды в повествовании рассказов представлены совершенно небольшими зарисовками, однако Г. Языков умеет в нескольких предложениях художественно отобразить как образ героя, так и историческую, социальную характеристику времени. Как, например, в подобных сценах:

«Однажды разговаривал с женщиной, отсидевшей пятилетку в колонии. Спрашиваю:

- За что такой срок отхватила?
- За двести метров мануфактуры.
- Видать, крупным складом каким-то заведовала..
- Нет, — ответила женщина с кривой усмешкой, — в швейной мастерской катушку ниток ukrала» [3, с. 57].

Несмотря на композиционную лаконичность форма диалога позволяет в содержательности слов наметить проступающие черты в художественной характеристике героини. Для читателя открывается скрытая горькая ироничность человека, которая становится единственным средством защиты в мире тоталитаризма. Приходит осознание того, что трагедия произошла не только в судьбе обыкновенной работницы швейной мастерской, а и в жизни всего народа.

Г. Языков умело сочетает черты публицистичности с художественным изображением. Так писатель создает образ Кости Брянского, воспитанника музыкального взвода, в рассказе «Дети далекого времени». Очерковость проступает во внешнем облике героя: это и степенность юного воина, и блеск медалей на его гимнастерке, и самое главное — кирзовые сапоги, что были мечтой всех мальчишек того времени. Очерк передает чувства восхищения, уважения и вместе с тем ничем не прикрытой мальчишеской зависти от такого вида настоящего героя. Казалось бы, в повествовании превалирует документальность в образной характеристике. Однако несколькими скупыми, введенными в публицистическое повествование предложениями писатель изменяет картину представления: «Ребята, только документы не забирайте... Воинские.... А то меня в части накажут. И еще орденские книжки и медали...» [4, с. 15], — перед читателем появляется именно художественный образ маленького воина. Просьба героя останавливает не только лихих юнцов, захотевших поживиться за счет маленького солдата, но и выдает образ застенчивого, по-настоящему мужественно воспитанного мальчика, который лишь по возрасту является таковым, а на самом деле познал уже многое. Оттого он немногословен, не так ребячлив в живых играх сверстников, больше оказывается наблюдателем. И в этом эпизоде писатель из своего далека — глубоко зрелого времени размышляет над непростым фактом жизни: а кто сделал этого мальчика таким — отошедшим от своего возраста, но все еще не приставшим ко взрослости.

Большой объем в повествовании занимают рассказы о милицейских буднях. В описании оперативной работы хроникальность, документализм берут вверх. Данными чертами создается беллетристичность повествования, что и привлекает современного читателя. На наш взгляд, Г. Языков намеренно выбрал из своей богатой жизненной оперативной практики такие сюжеты, которые направлены на массового читателя. Данная адресованность не снижает собственный литературный фон рассказов писателя. Современный человек прежде всего с интересом обратится к тому, что его волнует и беспокоит в первую очередь. А это вопросы, проблемы жизненного бытия, личного устройства в семье, работа, взаимоотношения с окружающими, еще ряд социальных «потрясений», что требуют пояснения, какого-то примера. В этом

плане рассказы Г. Языкова и привлекают, и подкупают как интересными, зачастую приключенческими сюжетами, так и вовремя найденными нужными словами.

Так, в словесную ткань повествования Г. Языков нередко вплетает, наряду с публицистическо-художественным словесным составом не просто нейтральную лексику, но и просторечие, даже жаргонность, что не умаляет собственно само содержание. К этому добавляется стилистическая смещенность, когда текст наполняется чертами сатиричности, что ведет повествование к некоторой анекдотичности стиля.

Такое встречается, например, в главе «Курсанты», где автор описывает первую встречу героя с преподавателем школы милиции. Не без юмористического пафоса это подано следующими строками: «...Вы кто, чукча? ... Нет, я из Бурят-Монголии (В то время именно так называлась нынешняя Бурятия)... Небольшая разница. Вы — бурят или монгол? ... Бурят. ... У нас на Украине буряками свеклу называют, — хохотнул майор... [3, с. 126]. В подобных художественных зарисовках беллетристическое начало проявляется в сгущенности всех элементов текста, в котором отражается собственно культурный код определенного времени в жизни общества. В этом плане автор своего рода отстраняется, позволяя читателю право самостоятельно осознать суть возникающей проблемы в тексте. Подобное «отстранение» писателя равносильно, с позиции Р. Барта, намеренной «смерти» художника [6, с. 17]. Читатель остается один на один с произведением, что в большей степени свидетельствует о правдивости художественного слова в беллетристике.

Именно такое художественное своеобразие рассказов, рассчитанных на большую аудиторию, разную по возрастным категориям, придает книгам Г. Языкова особую привлекательность. В этом плане произведения писателя остро-социальны, актуальны и востребованы современными читателями.

Литература

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. 447 с.
2. Маркова Т. Н. Авторские жанровые номинации в современной русской прозе как показатель кризиса жанрового сознания // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 280–290.
3. Языков Г. К. Время и судьбы. Иркутск: На Чехова, 2017. 229 с.
4. Языков Г. К. Страницы памяти. Иркутск: На Чехова, 2018. 190 с.
5. Языков Г. К. Записки старого опера. Иркутск: На Чехова, 2018. 170 с.
6. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 126 с.
8. Вернадский В. И. Биосфера. М.: НООсфера, 2001. 155 с.
9. Вересаев В. В. Живая жизнь. М.: Политиздат, 1991. 336 с.
10. Серкин В. П. Пять определений понятия «образ мира» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2006. № 1. С 11–19.

ARTISTIC PECULIARITIES of the SHORT STORIES by GERMAN YAZYKOV

© *Marya D. Danchinova*

Ph.D. of Sciences in Philology, associate professor of the Russian and foreign literature
department of Institute of Philology and Mass Communications
Buryat State University
24-a, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article discusses the genre peculiarities of the short stories by Gennadiy Yazykov, a Russian writer of Buryat republic. We analyze the system of characters, symbols, main motives and ideas of Yazykov's works. The stories included in different collections (e.g., "Time and Fate", "Notes of the Old 'oper'", "Pages of Memory") represent a large layer of socio-cultural, historical picture of life of the whole republic. It reflects in a descriptive and journalistic style of Yazykov. The narration is based on a linear retrospective plot, and includes the writer's thoughts about the origins of his and his family genealogy. Yazykov also tells about lives and fates of some families during the tragic years of repression, war-time, post-war hard times, and shows us the development of society during peaceful time. The main character in Yazykov's stories is a young man, and he is always in the center of rapid events. He is in the beginning of his independent life.

Keywords: G. Yazykov, genre, a character, an image, narration, plot, idea, motive.